

ФЕНОМЕН НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ОПЫТ КОСМИЗМА В ДИСКУРСЕ ОБРАЗОВАНИЯ¹

А. А. Грякалов, К. В. Преображенская

Реферат. Современное образование призвано быть утверждением и действием. А представления о современности характеризуются интересом к непереводаемости религиозного опыта, языка, словаря, ментальности, что существенным образом связано с образованием. В статье дается анализ взаимодействия феномена неопределенности и идей космизма в дискурсе образования. Неопределенность рассмотрена как событие и рефлексия. Это дает возможность понять не только онтологические, гносеологические и эстетические аспекты неопределенности, но и конструктивно наметить перспективы в области образования, что связано прежде всего с построением системной и целостной картины образования в диалоге с идеями космизма.

Космизм как событие мысли ориентирован на утверждающее образовательное действие. В космизме соотнесены религиозные ценности и проективная мысль, образы и идеи философии, естественно-научные взгляды, проза и поэзия. В статье осуществлен семантический и категориальный анализ образов и понятий, возникающих в топологическом единстве неопределенности и космизма. Поскольку концепт неопределенности инвариантно значим для группового и личностного самоосуществления социальных субъектов, концепт исследован в контексте космизма, обладающего предельной полнотой представлений о бытии общества и личности.

В конечном счете тема неопределенности обращена к проблематике преодоления постмодернистского релятивизма и осмыслению конструктивных смыслов родового единства философии и образовательных программ современности.

Ключевые слова: современность, образование, неопределенность, космизм, рефлексия, вещь, концепт, топологическая субъективность, производство смысла.

PHENOMENON OF UNCERTAINTY AND EXPERIENCE OF COSMISM IN THE DISCOURSE OF EDUCATION

Gryakalov, A. A., Preobrazhenskaya, K. V.

Abstract. The author declares, modern education is intended to be an assertion and action; and concepts of modern times are characterized by interest in the unrendering of religious experience, language, dictionary, mentality, which has greatly to do with education. The article provides an analysis of the interaction between uncertainty phenomenon and the ideas of cosmism in educational discourse.

Uncertainty is considered as an event and reflection. This gives the opportunity to understand not only the ontological, epistemic and ethico-aesthetic aspects of uncertainty, but also to outline the prospects in the field of education, which is associated

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14 – 03 – 00575).

primarily with the construction of a systemic and holistic picture of education in dialogue with the ideas of cosmism.

Cosmism as the thought event focuses on approving educational action. In cosmism correlated religious values and the projective thoughts, images and ideas of philosophy, natural science views, prose and poetry. The article presents semantic and categorical analysis of images and concepts that arise in topological unity of uncertainty and cosmism. Because the concept of uncertainty is invariant significant for group and personal self-actualization of social actors, a concept explored in the context of cosmism, with the utmost fullness of ideas about the Genesis of society and the individual.

The topic of uncertainty meets the problem of overcoming of postmodern relativism and the constructive comprehension of the meanings of the generic unity of philosophy and new educational programs.

Key words: *education, moderntimes, cosmism, uncertainty, reflection, topological subjectivity, the production of meaning.*

Введение. Исследование образования в современном контексте ориентировано онтологическими регуляторами и стратегиями развития. В первую очередь речь идет об определении бытийных (онтологических) компетенций личности и ее идентификационных ценностей [1, с. 26]. Соответственно, особую значимость приобретает аксиосфера, в которой не только совершается выбор образования и профессии, но дается набросок космо-антропологического универсума существования. Геополитически ориентированная историософия – «Евразийская Империя не должна ли называться *Небесно-земной*»? [2, с. 365] – содержит в себе образ мира тем более, что космизм стремится предстать как научно-проективная конструкция и духовно-образовательный проект.

Вместе с тем современность характеризуется достаточно неясным и рассеянным идейным фоном, что предполагает осмысление неопределенности в теоретическом и культурно-образовательном смысле. Вопросы усилены осознанием непереводаемости религиозного опыта, языка, словаря или ментальности. Что способна дать множественность смысловых и ценностных прочтений – или же она говорит только о потоке интерпретаций в противоречивом движении к рассеянию? Как возможны утверждающие действия идей русского космизма в ситуации роста неопределенности?

Постановка задачи. Для классической позиции «неопределенный фон» выступал как энергетический резервуар переживаний и смыслов. Более того, был известен ход идеации, способной противостоять неопределенности. В таком контексте она выступает одной из многих характеристик смутного существования в неупорядоченном мире. «Нет ясности, красоты, нет кристалльности. Нет в бытии ничего понятного и четкого... Как жизнь бесчеловечна, как жизнь бесчеловечно непонятна. Где начало и конец, где середина бытия? ... Жить в условиях внутреннего неразличения, внутренней безразличности, безразличия жизни, ее вечной однотипности, однообразия, монотонности, скучной невыраженности, невыразительности жизни – при всей ее бездонности и разношерстности. ... Я ничего не понимал» [3, с. 288–289]. Однако сам собой подразумевался ответ: ясность,

красота и космическая определенность *есть*, но не всегда могут быть открыты и достигнуты в человеческом существовании. Неопределенное выступает как знак разрыва между космосом и человеческим бытием – это зона деструкции, смещения, отсутствия гармонии – поражение экзистенциального космоса.

Результаты. Актуализируемая сегодня неопределенность демонстрирует слом идеальных измерений – представляется ни с чем не соотносимое, но несомненно существующее. И рост интереса к опыту травмы, насилия или террора как раз и говорит о возрастании неопределенности бытия и существования. Неопределенность нечто большее, чем мысль о ней, – неопределенность не сводится к «мышлению неопределенности». Отмеченная *несоотносимость* разрушает классическую возможность понять неопределенность через что-то другое – *космос, лад, ценностный универсум, образование*. Открывается непонятное, ужасающее, ни к чему не сводимое. И в первом приближении ясно только одно: неопределенность не просто «занимает место» какой-либо определенности, напротив – неопределенность ополчается на любое определенное, становящееся радикально недостаточным. Парадоксальным образом неясной и более неспособной к порождению переживаний и смыслов оказывается находящаяся на переднем плане очевидная, казалось бы, фактичность определенности, не удовлетворяющей ни существование, ни мысль: недостаточным предстает поименованное видимое. В таком понимании неопределенность более не выступает аналогом других характеристик существования – выявляется ее собственная экзистенциальная, эпистемологическая и образовательная значимость. «Необходимо понять, что неопределенность является неотъемлемым условием свободной, продуктивной и счастливой жизни человека [4, с. 5]. Но какое *именно существование* и какую *стратегию мысли* неопределенность призвана манифестировать и поддерживать?»

В общем плане рефлексия неопределенности актуально представлена как одна из форм выхода из ситуации, которую можно было бы обозначить как *постмодернистский релятивизм*. Поэтому для начала имеет смысл показать *действие* неопределенности, стараясь отыскать за разными проявлениями устойчивые характеристики. Следующий шаг состоит в том, чтобы понять неопределенность в ее несводимости к обобщениям эмпирической фактичности. Следует понять, как *образ*, а вслед ему *концепт* неопределенности возникают «внутри» рефлексии определенности или на ее фоне – в этом смысле неопределенность приобретает вполне фиксированное темпоральное измерение. Только будучи таким образом отрефлексированной, неопределенность как бы задним числом попадает в сложную множественность начала, хаоса или абсурда. Следующий вопрос о *топосе* неопределенности: является она локализованной в одном «месте смещения» – *переход, слом, трансгрессия, шов* – или же может быть относима к рефлексивной или экзистенциальной позиции в целом и так может присутствовать даже в агональной модели *космоса*? Ведь если всеобщая текучесть, согласно Гераклиту, характеризует только феноменальный мир множества, то *агон* – метафорический синоним Войны и Раздора: рекур-

рентный «бег» космических противоположностей с их фатально предопределенными «поворотами вспять» – лишь одно из свидетельств вечной осцилляции бога-мира между максимумом и минимумом [5, с. 44]. Каков статус неопределенности – в том числе ее присутствие в образовании?

И в связи с этим первое положение, способное ввести идеи космизма в стратегии формирования образа современности: неопределенность в ее актуально обсуждаемом смысле пересекается с *топологической* субъективностью – природа и статус неопределенности проясняется посредством обращения к формам ее *действия*. А современное образование призвано быть именно утверждением и действием. В этом смысле необходимо изобретение *фигур* и *образов*, которые способны совершать утверждение. «... Предельная вера в родовые истины... вот что должно быть нашим новым вымыслом. Мы, очевидно, должны создать реальную возможность нашего вымысла, который будет родовым вымыслом в новой форме. Новая локализация, без сомнения, является вопросом о новой политической смелости. Поиск вымысла – это вопрос справедливости и надежды» [6, с. 106]. Поэтому необходим не только *онтологический* жест постижения и понимания неопределенности, нужно осмыслить неопределенность в плане *политического* в его соотнесенности с образованием.

Политическое ставит под вопрос *настоящее* с его многообразием проявлений и сложностью определения единого во многом – константных характеристик существования, без понимания которых жизнь социума лишается перспектив: «Политическое оказалось ближе мысли, чем философии» [7, с. 106] – в политическом непосредственно ощущается заброшенность в бытие не только в смысле онтологической включенности существования, но и как вытесненного пребывания – *оставленности*.

Именно в отношении к напряженному осмыслению своего места в мире может быть выстроено ответственное личностное образование. Таким образом, неопределенность в действии связана с темой свободы, творчества и самоидентификации. В связи с этим несомненный образовательный потенциал имеет для понимания ситуации эстетический опыт. В творчестве Андрея Платонова неопределенность обращена к самому языку – агональному языковому космосу. Но если бы в ситуации истонченного до бесплотности существования Платонов там оставлял «людей языка», это было бы изменой изначальной неопределенной свободе самоосуществления. Было бы отказом от творчества бытия, онтологической свободы. Платонов тем или иным образом выводит языковой мир к миру *вещному*, не давая вещи до конца пропасть в лингвистическом мороке идеологий: возвышенная «тоска по человечности» предстает как событие вполне определенной во времени и месте мысли. Платонов обращает к «вещам неведомым» – его язык представляет усилие прорыва к ним. Вещь *восстанавливается* в языке и язык овеществляется: но за счет какой силы или каких сил происходит их стремление к другу? «Свободная вещь» Андрея Платонова – не «факт» механической или органической инерции или независимости. Свобода вещи говорит обо всем, что может – *неопределенно* – случиться не только в вещном мире. Именно свобода вещи и проверяет замысел о мире на

жизненность, на силу, способность утверждения. «Вещи... слишком реальны, чтобы быть представлениями, и слишком спорны, неопределенны, собирательны, изменчивы, вызывающи, чтобы играть роль неизменных, застывших, скучных первичных качеств, которыми раз и навсегда оснащен Универсум. Что общественные науки могли бы делать вместе с естественными – это *представлять* самим людям вещи со всеми их последствиями и неясностями» [8, с. 106]. Так миру смыслов некоторым образом *предшествует* жизненная «свободная вещь».

Простые вещи развенчивают и удерживают под подозрением «производство смысла». Нужно иметь дело с проявлением «самой вещи»: становящаяся неопределенная субъективность пребывает в определенном «вещном топосе». Неопределенное время способно пересекаться конкретным («историческим») сроком. И здесь еще раз можно указать на онтологическую значимость неопределенности, которая проявляется в исторической фактичности – не только фактичности реальных социальных событий, но и действительности сакрального мира. Неопределенность прямо отсылает к борьбе за форму – за образы мира: «Крайне важно поэтому, чтобы история форм не заслоняла историю борьбы за форму, тот факт, что понимание – это всегда полемическая ставка, что последним его основанием является способность видеть и навязывать свое видение. Так производится священное» [9, с. 24]. И тут общий ответ о целостном взаимодействии – в чем иногда усматривается феномен космизма – отнюдь не решает дела. Имеет смысл представить космизм как особого рода *дискурс* или *письмо* – символический процесс и послание сорасполагаются в смысловом пространстве. Именно *письмо* предстает как место встречи образа, проекта и события. В дискурсе соотнесены религиозные идеи и проективная мысль, образы и идеи философии, естественно-научные взгляды, проза и поэзия – «всякая литература *проективна*». Идеи вплетены в литературу и в свою очередь изложены прозаически или поэтически («космопоэтика»).

Тема субъективности возникает в событийном дискурсе космизма. Ретроактивно усиливая друг друга, эмпирическое и логическое становятся неуязвимыми в смысловой исполненности письма. Происходит обращение предметности и понятия («лик ангельский – идеальное человечество»). *Ното sapiens explorans* (человек разумный исследующий), метафизически переосмысливая метафоры, космически рассматривает задачи человеческого гения – они состоят в охране и утверждении жизни на земле.

В пределе проект космизма становится событием топологической мысли, в которой сведены религиозные, философские, научно-образовательные и эстетические позиции. Владимир Соловьев видел смысл искусства в «жизнестроительстве», полагая, что художнику открывается скрытая гармония всех вещей, которая окончательно обнаружится после конца мира в апокалиптической перспективе. Ведь, согласно Соловьеву, человек живет под властью космических сил и может быть спасен только вместе со всем космосом в перспективе тотального апокатастасиса, ничего не добавляющего в мир и ничего из него не изымающего, но делающего видимыми скрытые гармонические соотношения между вещами мира.

Образ космизма переливается в *проект*, а проект становится *событием* – предельно объемной мыслью. Дело Н.Ф. Федорова становится в космическом масштабе его интенций. Отчетливо позиционирован «абсолютный экзистенциальный заказ» – воля к бессмертию. Федоров останавливает внимание на абсолютном содержании желания и воли, для выговаривания которого требуется гораздо больше мужества, нежели об этом принято думать. Утверждающая сила Федорова заключена в умении назвать своим именем вершины сокровенного, которые также утаиваются от самоотчета, как и глубины подсознательного.

Проект «имманентного воскрешения», предполагающий преодоление телесной смерти, будет воспроизведен Велимиром Хлебниковым, мотивно-тематический план которого по-своему аранжировал притязания на тотальное-новое, причем региональный разброс претензий Хлебникова поразителен – от общества и техники до экологии и биологии. Так проективность идей Федорова, его отказ от пассивно-рецептивного описания ставит его в ряд актуальной утверждающей парадигмы: в этом контексте отличие Федорова от теоретиков «модерна» состоит разве что в радикальности и бесповоротности его подхода, тогда как его активизм («магизм» – Г. Флоровский) заставляет вспомнить проект философской антропологии в целом. «Задача мышления теперь состоит в том, чтобы по-новому проработать напряжение между автохтонией (ab ovo, или исходя из общности) и освобождением (исходя из смерти, или из бесконечного)» [10, с. 351]. Это отступление в философскую антропологию демонстрирует то, что концепция Федорова обнаруживает ряд корреляций с более поздними и к тому же выстроенными на других основаниях дискурсами утверждения.

Следующий принципиальный момент, соединяющий теорию Федорова с актуальными политико-эстетическими проектами, – это сама идея синтеза тела. Идеальное – *преображенное* – тело отражается в «общем деле» как в своем зеркале. *Образ*, демонстрирующий неокончателность телесной смерти, выступает как горизонт возможной идентификации и возможного праксиса-поэсиса. «Имманентное воскрешение» поэтому есть не столько физическое (техническое), сколько символическое событие производства тотального поименования мира. Символика морального зла представлена телами определенного типа: эта телесно-волевая эмблематика находит свое разрешение в эсхатологической ортопедии тел, в производстве «тела преобразенного», а потому в реальном (историческом) времени – невозможного, просматриваемого лишь в поле визионерского опыта.

Космизм как событие мысли совершает утверждающее образовательное действие. По меньшей мере показывает и утверждает необходимость сдвигаться в сторону от догмы-проекта. И если для проекта это неперспективно и даже губительно, то для мысли совершенно необходимо. Развертывание мысли побуждается сопротивляющейся плотностью мира. Поэтому событие предстает как особое *пневмосферическое образование*. Особенно в идеях А.Л. Чижевского окорачивается безудержная уверенность титана: эволюция органической жизни во многом детерминирована космическими излучениями. Процесс развития мира понят как результат

действия земных и космических факторов, из которых вторые являются главнейшими, так как они обуславливают состояние земной среды. Отдаленнейшим недрам Вселенной может быть уподоблено ближайшее – *тело, бессознательное, ландшафт*. Событие мысли предстает здесь как особого рода «резонатор». И действенность образов космизма состоит в обращении внимания на ориентации и стратегии мысли – в направленности мысли на земной и космический универсум, точнее на сферу их сорасположенности и творческого содействия.

Космизм – принципиальная критика отвлеченного мышления. Самим фактом существования космизм свидетельствует о бытийной обращенности мысли и образования. Интуиция соединена с переживаниями-видениями творческого первообраза. Выражением этой ориентации выступают мышление в его органопроективном смысле – том измерении сознания, где оно соединяет в себе событие и проект. Способен же быть проект событием лишь тогда, когда содержит в себе телесно-предметные интуиции.

Выводы. Философия космизма как стратегия мышления включает в себя синтетическое отношение и достаточно последовательную цепь редукций. Это мышление в контексте современных интересов может быть названо философией события. Космизм дает возможность принципиальной соотнесенности позиций *образа, проекта и события*. Он и сам в целом должен быть понят как событие мысли, осуществленное в письме. А многообразность космизма делает его идеи желанными для разнообразных контекстов, что может привести к рассеиванию феномена в интерпретациях. Космизм живет в случае его несводимости к возможным «аналогам» («глобальная этика», «новое мышление»). Таким образом, ценность идей и образов космизма не в том, чтобы ложиться в основание конкретно-проективных социальных стратегий. И даже не в том, чтобы ориентировать на событие «космического» и «земного». Отрицаемая космистами *органодеекция* как принцип искусства и жизни строится на фиксации внимания на самодостаточных частях и деталях; природа же возвышаемой космистами *органопроекции* совершенно иная – быть мыслью и исполнением события, где все действия, все явления и события и все существа становятся сознательными членами своего носителя, осуществителями поставленных им себе задач. Ведь научный рационализм, сформированный образованием, но не наполненный нравственными регулятивами, может нанести непоправимый вред как природе, так и обществу [11, с. 5]. Философия события приближает мысль к некоему пределу – может казаться, что она как бы вовсе философией перестает быть. Но этот предел содержит в себе схватывание бытия как смысла и смысла как бытия. Ибо философия, подошедшая к своему пределу, выводит феномен события или существования за пределы возможностей самоконституирования смысла – дается бытие, предшествующее смыслу или выходящее за его определенность, не совпадающее с ним и состоящее в этом несовпадении.

Особую роль в ситуации ценностной фрагментарности может сыграть *университет* с его способностью устанавливать полилог «неолиберальной глобализации, транскультуральности» и самобытности образования,

в котором представлен и обосновывается национальный образ мира» [12, с. 149]. И положение философа, оказывающегося в состоянии охваченности ужасом и чувством несовместимости мысли и мира, обращает к событию – предметные и чувственно-телесные интуиции предельно приближены к рождающимся смыслам [13, с. 69.]. Однако современная ситуация усугубляется тем, что существенная часть населения существует как бы в некоем ирреальном времени – продолжается существование по инерции, что не дает возможности субъектам активно включаться в сознательную политическую, культурную и образовательную деятельность: речь идет об устойчивом пребывании в состоянии глобального *посттравматического синдрома* [14, р. 21–22]. Вот именно в такой очевидности позиционировано новое инфантильное сознание – *этическое* и *эстетическое* в том числе, в котором отсутствует ответственная творческая мотивация. Соответственно, никакая модернизация не может быть реализована в ситуации убыли населения и угрозы распада страны – пропадает эстетический интерес к жизни и этическая энергия «общего дела».

Действенность идей космизма состоит в утверждении активной и ответственной образовательной мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Черных С.И., Паршиков В.И., Панарин В.И.** Конкурентоспособность российского образования на мировом рынке образовательных услуг // Профессиональное образование в современном мире. – 2014. – № 3(14). – С. 22–30.
2. **Федоров Н.Ф.** Единство Истории и Астрономии // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1997. – Т. 3. – С. 364–365.
3. **Лосев А.Ф.** Театрал // Лосев А.Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб., 1993. – С. 272–299.
4. **Вульф К.** Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / под ред. К. Вульфа, В.В. Савчука. – СПб.: РХГА. 2013.
5. **Лебедев А.В.** Агональная модель космоса у Гераклита // Историко-философский ежегодник – 87. – М.: Наука, 1987. – С. 29–46.
6. **Бадью А.** Загадочное отношение философии и политики. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013.
7. **Подорога В.А.** Апология политического. – М.: Изд. дом Гос. ун-та. – Высшей школы экономики, 2010.
8. **Латур Б.** Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 342–364.
9. **Грякалов Н.А.** Волшба вещей: фетиши // EINAИ. Проблемы философии и теологии. – 2012. – № 2. – С. 2–43.
10. **Слотердаjk П.** Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри / пер. с нем. К.В. Лоцевского. – СПб.: Наука, 2005.
11. **Наливайко Н.В., Паршиков В.И.** О тенденциях развития современного профессионального образования // Профессиональное образование в современном мире. – 2012. – № 3(6). – С. 3–6.
12. **Колесников А.С.** Миссия университета в эпоху постмодерна // Философское образование. Вестник ассоциации философских факультетов и отделений. – 2011. – Вып. 1(2). – С. 99–117.

13. **Грякалов А. А.** Гетеротопии мегаполиса – места философии и философов // *Философия познания и творчество жизни*. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 66–79.

14. **Holger H.** Globalization of the Work Society: Proposal for a Re-interpretation of the Work Society as a Posttraumatic Syndrome // *TRANS-HUMANITES*. – 2009. – Vol. 1. – P. 21–24.

REFERENCES

1. **Chernykh S. I., Parshikov V. I., Panarin V. I.** Konkurentosposobnost rossiskogo obrazovaniya na mirovom rynke obrazovatelnykh uslug [Competitive ability of Russian education in the world market of educational services]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire – Professional education in the modern world*, 2014, no. 3 (14). pp. 22–30.

2. **Fedorov N. F.** *Edinstvo istorii i astronomii* [Unity of History and Astronomy]. Moscow, 1997, Vol. 3. pp. 364–365.

3. **Losev A. F.** *Teatral* [Theater-goer]. St. Petersburg, 1993. pp. 272–299.

4. **Wulf K.** *Vmesto predisloviya: neopredelennost kak uslovie chelovecheskoy zhizni* [As an introduction: uncertainty as a condition of human life]. St. Petersburg, 2013.

5. **Lebedev A. V.** Agonalnaya model kosmosa u Geraklita [Agonal model of the cosmos reviewed by Heraclitus]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik'87 – Historical and Pphilosophical Yearbook' 87*, 1987. pp. 29–46.

6. **Badyu A.** *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki* [The mysterious relation between philosophy and politics]. Moscow, Institute of Humanities Research Publ., 2013.

7. **Podoroga V. A.** *Apologiya politicheskogo* [Apology of the political.] Moscow, 2010.

8. **Latur B.** *Kogda veschi dayut otpor: vozmozhnyi vklad issledovaniy nauki v obshchestvennyye nauki* [When the things fight back: a possible contribution of scientific research in the social sciences]. *Sociologiya veschey* [Sociology of things]. Moscow, 2006. pp. 342–364.

9. **Gryakalov N. A.** Volshba veschey: fetishi [The magic of things: fetishes]. *EINAI Problemy filosofii i teologii – EINAI. Problems of Philosophy and Theology*, 2012. no. 2. pp. 2–43.

10. **Sloterdike P.** *Sfery. Mikrosferologiya. T. 1. Puzyri* [Spheres. Microspherologic. Vol. 1. Bubbles]. St. Petersburg, 2005.

11. **Nalivayko N. V., Parshikov V. I.** O tendentsiyah razvitiya sovremennogo professionalnogo obrazovaniya [On the tendencies of contemporary vocational education development] *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire – Professional education in the modern world*, 2012, no. 3 (6). pp. 3–6.

12. **Kolesnikov A. S.** Missiya universiteta v epohu postmoderna [The mission of the University in the postmodern era]. *Filosofskoe obrazovanie. Vestnik assotsiatsii filosofskikh fakultetov i otdeleniy – Philosophical education. Bulletin of Philosophical–Association of Faculties and Departments*, 2011, vol. 1 (2). pp. 99–117.

13. **Gryakalov A. A.** *Geterotopii megapolisa – mesta filosofii i filosofov* [Geterotopies of megapolis are the places of Philosophy and philosophers]. *Filosofiya poznaniya i tvorchestvo zhizni* [Cognition Philosophy and life creativity]. St. Petersburg, 2014, Vladimir Dal Publ., pp. 66–79.

14. **Holger H.** Globalization of the Work Society: Proposal for a Re-interpretation of the Work Society as a Posttraumatic Syndrome. *TRANS-HUMANITES Journal*, 2009, vol. 1. pp. 21–24.

Информация об авторах

Грякалов Алексей Алексеевич (Санкт-Петербург, Россия) – доктор философских наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Философия

современности и стратегии гуманитарной экспертизы», Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойка, 48, e-mail: alexagr@mail.ru).

Преображенская Кира Владиславовна (Санкт-Петербург, Россия) – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой связей с общественностью, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойка, 48, e-mail: kira459@list.ru).

Information about the authors

Alexey A. Gryakalov (St. Petersburg, Russia) – Doctor of Philosophic Sc., Professor, Director of Center of Science and Education “Modern Philosophy and Strategies of Humanity Examination” in Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika emb., 191186 St. Petersburg, Russia; e-mail: alexagr@mail.ru).

Kira V. Preobrazhenskaya (St. Petersburg, Russia) – Candidate of Philosophy, Associate Professor, the Head of the Chair of Public Relations in Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika emb., 191186 St. Petersburg, Russia; e-mail: kira459@list.ru).

Принята редакцией 18.02.2015

УДК 378.147

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. Д. Ибраев, А. Ш. Иргашев

Реферат. *Перспективная система образования должна быть способна не только вооружать знаниями обучающегося, но и, вследствие постоянного и быстрого обновления знаний в нашу эпоху, формировать потребность в непрерывном самостоятельном овладении ими, умения и навыки самообразования, а также самостоятельный и творческий подход к знаниям в течение всей активной жизни человека. В общественной жизни остро стоит вопрос повышения качества образования, а также проблемы подготовки и воспитания специалистов, отвечающих всем запросам современного общества.*

Для решения этих проблем со стороны государства Кыргызской Республики было принято множество важных документов. 14 января 2013 года принята «Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы», где было отмечено, «Любое даже самое передовое содержание образования будет абсолютно не нужным, если не будут внедрены новые технологии в образовании. Необходимо уже сегодня ориентировать систему среднего, средне-специального и высшего образования на подготовку специалистов нового поколения в сфере информационно-коммуникационных технологий, что может стать одним из ключевых условий, определяющих последующее ускоренное развитие экономики, науки и культуры в будущем» [1, С. 42].

Поставленные задачи требуют широкого реформирования системы высшего профессионального образования. Таким образом, реформирование образования и его соответствие требованиям Болонского процесса определяет цели его интегрирования в мировой образовательный стандарт.